

Важнейшее есть понятие «комбинаторный анализ» — извечное расположение множества объектов и предметов. Человек, который из тончайших тонов делает динамичные трехчасовые пьесы, сохраняющие аромат и стиль первоисточника, обладает комбинаторским талантом. Человек, который собрал одну из самых ярких в столице актерских трупп и получил под свою театральную идею помещение в двух шагах от Тверской, умеет учитывать и просчитывать в своих действиях все до мелочей и из множественностей выстраивать оптимальную комбинацию. Это — художественный руководитель и главный режиссер московского «Театра Луны» Сергей Проханов.

Галина ОБЛЕЗОВА

Гразный подвал превращен в стильное белоснежное помещение с небольшим зальчиком, в котором расположенные амфитеатром ряды мягких кресел перетекают в горизонталь сцены. Хорошая акустика. В туалетах — аромат пятизвездочных отелей. В баре — шампанское всегда холодное, салаты свежие, а кофе — нескольких сортов. Новые русские, заплатив за элитные билеты кругленькую сумму, чувствуют себя здесь в своей тарелке.

— Я действительно по природе комбинатор, — говорит Проханов. — Театр, шивовата в этом еще и физико-математическая школа для особо одаренных — я уже в девятом классе решал задачки за III курс механики.

- В шахматы играете?
- Играю. А почему вы спросили?
- Кобзона переиграете?
- А-а, понял... Нет, Кобзона не переиграю, такого аналитика, как он, переиграть трудно.
- Как вы относитесь к тому, что ваш театр в чести у новых русских?

— Очень хорошо отношусь. Я и себя считаю новым русским. Я — продукт эпохи, которая меня сформировала. Ничего в том, что я долго был актером, потом захотел и сумел стать режиссером. Никита Михалков однажды определил, что такое режиссер: это человек, который умеет довести

Мастер комбинаторики

Сергей Проханов называет себя новым русским и приветствует побег в африканские племена

Михаил ПУТЕВНИКОВ

свои мысли до такого момента, когда придуманное воплотится в сделанное; а между этими двумя стадиями — большая глубокая яма. То есть ты можешь придумать все что угодно, но это еще ничего не значит. Я сумел через эту «яму» перепрыгнуть.

— На банкиров тоже действует непреходящее обаяние друга всех детей Кеша Четвергова, незабвенного Усатого Няня?

— Ну не знаю... Мне Кеша столько всего и доброго, и недоброго послужил... В доперестроечные времена, когда в свободной продаже ничего не было, «Няня», конечно, помогал. И еще, когда я приставал на улицах к длинноногим красоткам — так мы с Хомским собирали кордебалет для

спектакля «Иисус Христос — суперзвезда». С другой стороны, Кеша едва не сделал меня актером одной роли — от скольких предложений, повторяющих «Няня» пришлось отказываться.

— Зато один хороший фильм, точное попадание в образ — и вы навсегда знамениты. Я думаю, молодые актеры вашего театра в глубокие души завидуют вам. У них подобных шансов почти нет — кино в полумертвом состоянии, телевидение театр не очень жалует... И ведь такие таланты, красавицы, умницы! Но их мало кто, помимо театральной публики, знает...

— Сам об этом часто думаю и мечтаю, когда-нибудь присоединить к

профессии актера и режиссера еще одну — продюсера. И раскручивать театральных актеров. Думаю, у меня бы получилось. Но пока нет средств.

— Все ваши спектакли изысканно красивы. Сумопомрачительными женщинами, с мужчинами, за которыми хочется идти на край света. Ничего общего с тем, что творится за стенами театра, кроме, пожалуй, чувства, сумасшедших страстей, которые каждый зритель примеривает на себя... Вы так просчитали вкус новых русских?

— Я так просчитал желание сегодняшнего зрителя, которому недодают романтики, который давно уже не воспринимает «чернуху», а его все равно ежикают, и которому надоело смотреть на мелкие страстишки, суету, бытовуху. Ему хочется Личностей. Вместе с личностью переживать большие страсти. Отсюда и «Фауст», и «Танс сияющая» — по сочинениям Аристотеля и Плутарха. И «Путешествие дилетантов» Окуджавы. Я помню свое смятение, когда впервые прочитал этот роман: какие чувства, какие отношения! И вот так взять, все на свете бросить — и бежать с любимой женщиной на Кавказ! Просто голова кружится... Фаустовская тема: когда золото теряет смысл... В Голландии у меня есть хорошая знакомая, молодая актриса, которая с периодичностью раз в год все бросает и уезжает в африканские племена. Такая вот жизнь настоящих!

— Но романтика романтикой, а билеты на ваши спектакли — самые дорогие в Москве.

— Цена совершенно не отпугивает. На каждом спектакле — аншлаги. И в то же время не найдется такого «бедного студента» или завязатого, но маломужущего театралы, которые бы в конце концов к нам не попадали: пропускаем, ставим дополнительные стулья. Эту любовь я понимаю и ценю. Недавно вернулся из Таллина (там, кстати, билеты у нас были еще дороже) — такой прием, просто жать хочется!

— У нас звездный состав труппы: Ромашин, Смирнитский, Герчаков, Кондулайнен, Виноградов, Чернов... Чем вы их удерживаете: хорошими спектаклями или хорошими условиями?

Все бросить — и за любимой женщиной на Кавказ

— И тем, и другим, хотя до антрепризных зарплат, когда актеры получают 300—500 долларов за спектакль, нам очень далеко. А по творческому дамам — они ко мне долго приглядывались, вплоть до того Бума, который поднялся после спектакля «Ночь нежна». Для актера ведь важнейшая вещь — почувствовать победу. Большую, маленькую, но чтобы внутри это чувство возникло.

— Почему вы никогда не берете готовых пьес?

— Их не так много, хороших пьес. И потому все ставит одно и то же — восемь «Чаяк», пять «Дядей Вань», три «Гамлеты»... Берут оплаченные, проверенные вещи. Боятся брать оригинальные.

— Чем оригинальным удивите в новом сезоне вы?

— Чарли Чаплином. У нас есть замечательный артист Жень Стычкин. Виртуоз! У нас будет совершенно новая версия Чаплина. Отом, чего он не сделал, но мог бы сделать. Как известно, на третий день после смерти тело артиста украл и вернул на сороковой. Где он был? Неизвестно. А по нашей версии, он снимался в кино, испробовал у Бога эти дти, чтобы погробовать то, чего так и не признал при жизни: разговорный жанр, телевидение... Называться будет «Восставший Чаплин».

— Пьесу, конечно, будете писать вы?

— Конечно.

— Очередная комбинаторика?

— Что поделашь...

Владимир КОЗЛОВ